

Переломный период в жизни нашей страны — год то ли 1990, то ли 1991, точно уже не помню. Это к чему? Чтобы вы прочувствовали, что никто тогда не знал, что будет. Или вернутся красные, и станут выжигать калёным железом по спискам, или наступит светлая эра разнозданной демократии и изобилия. Болельщиков было поровну. На коварный Запад уже выпускали, кого не попадя, но смотрели при этом так, словно выщеливали куда всадить пулью. Дело было в Брюсселе. Делегация небольшая: шеф — большой начальник, без него никак; два непосредственных разработчика — Попов и Рябов, райкомовец от комсомола, символизирующий молодость, агент КГБ замаскированный под личного помощника шефа, и переводчик Цфасман.

Деловая часть программы завершилась и принимающая сторона устроила прощальную вечеринку. Отдельный зальчик в таверне, много пива в кружках, маловато по нашим меркам закуски. Наши, за неимением достаточного количества бельгийских франков, ответили «Столичной», коей было по две разрешённые бутылки на нос.

Веселье в разгаре. Длинный стол, полумрак, оформление зала в нарочито грубом деревенском стиле. Гости в меньшинстве. Хозяев обоего полу — человек двадцать. Молодые, энергичные, улыбчивые ребята — редко, кто старше тридцати. Одеты, кто во что горазд. Наши, как на подбор, в одинаковых чёрных костюмах фабрики «Большевичка» — не то гангстеры из провинции на выезде, не то ансамбль на похоронах дирижёра. Постепенно ослабли узлы на шеях, расстегнулись пуговицы на пиджаках, Рябов вовсе повесил свой на спинку и резвился в одной рубахе, закатав рукава.

Цфасман, вредитель, работал неохотно, изредка отрываясь от рыбного салата. Поэтому в ходу был универсальный язык глухонемых и зачатки школьных программ по иностранным языкам. У куратора из КГБ имелся разговорник с поблёкшим штампом «для служебного пользования», в который он время от времени глубокомысленно заглядывал. Попов тщетно пытался выпросить у него эту книжицу, но неизменно получал отказ: «Не положено». Исхитрившись заглянуть службисту через плечо, он прочёл первую фразу: «Немцы в деревне есть?» и отстал от него навсегда.

Вскоре, чувствуя себя лишним в компании молодёжи, шеф убыл в отель. На радостях, Попов с Рябовым, под овацию присутствующих и укоризненный взгляд КГБэшника, тяпнули грамм по двести водки. С этого и началось.

В викингах, уж не знаю почему, но большинство хозяев причисляли себя именно к этой этнической группе, тут же проснулся дух состязательности. Для начала один из них выпил кружку пива, удерживая исключительно зубами. Из наших повторить этот номер никто не решился. Дальше пошло-поехало. Они спели хором ужасную древнюю боевую песню — ни мелодии, ни ритма, ни склада, ни лада. Мы ответили Катюшой и Подмосковными вечерами. Громче всех старался гнусавый Цфасман. Принесли ещё пива. Начались соревнования по арм-рестлингу. Тогда, редко кто знал название, но сама борьба на руках была не в диковинку. Попов, занимавшийся в институте тяжёлой атлетикой, отдувался за себя и того парня, имею ввиду Цфасмана. Комсомольский вожак выбыл из состязаний по уважительной причине — декламировал безудержно хохотовшей бельгийке сонеты Шекспира в переводе Маршака. Кэгэбист, еле-еле одолев щуплого очкарика, сразу вышел в туалет.

Рябову достался здоровенный рыжеволосый верзила — стопроцентный типаж из Голливуда. Пыхтели они минут десять — викинг был явно сильнее, но Рябов держался на морально-волевых. С их стороны раздавалось, что-то похожее на «шай-бу, шай-бу», воодушевлявшее Рыжего Соню на подвиг. Рябова поддерживали всего двое: скрипящий зубами Попов, и Цфасман, коварно выкрикивающий «гузские не здаюца!» Когда у Рябова захрустело плечо и, вопреки лозунгу, он был готов капитулировать, соперник неожиданно со стоном прекратил борьбу.

Началось светопреставление. Все орали. Ставший бордовым рыжеволосый гигант стучал себя кулаками в грудь, оправдываясь перед коллегами. Бельгийские девицы кинулись целовать Рябова, при этом, кричали своему Геркулесу что-то насмешливое. Вернувшийся из сортира кэгэбэшник, мигом сориентировавшись в ситуации, на ухо пообещал Рябову отметить достижение в докладной, и многозначительно подмигнул. Рябов расправил плечи, почувствовав себя награждённым грамотой «За усердную работу» или, как её интимно называли, — «За усрачку». Троє хмурых бельгийцев втихаря отсчитывали Цфасману радужные купюры. Адепт стойкости русского духа успел организовать тотализатор. Но делиться с победителем валютой не спешил.

Когда успокоились, расселись и потянулись к кружкам, раздался свирепый рёв поверженного силача. Вскочив на ноги, он быстро и возбуждённо заговорил, всё более и более горячясь. Со стороны последовали реплики, в стане хозяев возник лёгкий спор. Девушки хихикали, закрывая лицо, и хитро поглядывая на гостей сквозь растопыренные пальцы. А гости ждали, чем закончится выступление оратора, тая нехорошие предчувствия. Опять соревнование? Прыжки в высоту? Кулачный бой? Плевки на дальность?

Гигант закончил пламенную речь и, под аплодисменты публики, полез на стол. Наши смотрели молча — это была какая-то новая, неизвестная игра. Под тяжестью детины вековой дубовый стол заскрипел, головой викинг едва не доставал потолок. Здоров был, бродяга. И тут, этот красавчик начинает расстёгивать джинсы. Не хочу даже говорить, какие мысли пронеслись в головах посланцев страны Советов. Громила спускает штаны вместе с трусами до колен и, зажав в кулаке детородный орган, выставляет на всеобщее обозрение свои яйца, что-то торжествующе крича при этом. Со всех сторон визг, улюлюканье, топот копыт, одобрительные выкрики, смех... Женская половина, не стесняясь, придирчиво оценивает выставленные экспонаты, оживлённо делясь впечатлениями.

Наши окаменели в позах, в которых их застал неожиданный стриптиз, кося глазами на КГБЭшника. Даже Цфасман задержал вилку около рта, не решаясь отправить по назначению очередную порцию салата. КГБЭшник сквозь зубы, практически чревовещательным способом, передал по цепи: «Спокойно, товарищи, это провокация». И полез в карман пиджака. Товарищи решили, что там у чекиста, как минимум Маузер, и зарыскали глазами по сторонам, прикидывая, что может пригодиться в рукопашной. Комсомолец, бросив иностранку, занял место в арьергарде, вообразив себя засадным полком. Но командир всего лишь выудил носовой платок с вышивкой «не забывай семью, Боря», и стал им томно обмахиваться. Несколько разочарованно, наши расслабились.

Верзила не угомонился. Криво улыбаясь, он не сводил с «коммунистов» пристального взгляда, и что-то вызывающе щедил сквозь зубы. При этом, подлец, бесстыже перебирал пальцами в волосатом кожистом мешочке внушительные причиндалы, и всякими другими способами обращал внимание публики к этому месту. Наконец, подав корпусом так, что

увесистые мудя, тяжело качнувшись, звонко шлётнули по ляжкам, заткнулся. Но при этом требовательно указал пальцем вниз, а потом наставил его на притихших гостей.

— Цфасман, — негромко призвал мобилизованного бойца КГБЭшник углом рта. — Что этому уроду от нас надо?

Цфасман едва не подавился, быстро заглотнув с вилки еду, и густо покраснев, язвительно прошипел:

— Известно что, требует показать в ответ, мол сравним...

— Он что, ненормальный?

— А хрен их разберёшь! — окрысился переводчик.

КГБЭшник беспомощно оглядел вверенное ему подразделение.

— Какие будут мнения, товарищи? Вот он — разврат капитализма во всей красе, ни стыда ни совести.

— А не послать ли их...? — высказал общий настрой Рябов.

Наши посмотрели на бельгийцев, терпеливо дожидающихся результатов партсобрания Шекспира, навёрстывала упущенное, посылая новоявленному Аполлону воздушные поцелуи. Раненный в самое сердце женским коварством, комсомолец решительно заявил:

— Это политически близоруко, уступить без боя завоевания революции!

— Хм, — глубокомысленно хмыкнул КГБЭшник и посмотрел на Попова.

— А я что? Я как все! Но за Державу обидно... — Попов кокетливо посмотрел на бельгийку, сидящую напротив.

— Цфасман! — вытащил переводчика из тарелки командир. — Ну-ка, чего они сейчас болтают?

Цфасман покрутил носом и доложил:

— В основном, над нами потешаются. В '90-х годах, как у «к'90-х гасных» с этим делом совсем плохо: показать нечего, яйца с гогошину, и вообще, дескать не мужики это. Особенно девки стагаются... А этот — Цфасман показал глазами на героя со спущенными штанами — и гигант, и настоящий мужик, и же'90-гебец, и стальные яйца, и чугунные яд'90-га, и...

— Хватит, хватит, поняли уже, — оборвал цветастые эпитеты спавший с лица службист и покачав головой, хрипло спросил:

— Кто пойдёт, товарищи?

— У меня самоотвод, — быстро заявил Цфасман, и что-то горячо зашептал на ухо службисту. Тот недоверчиво оглядел переводчика, потряс головой и переключился на других:

— Попов?

— Нет, я не могу.

— А как же Держава?

— Готов отстреливаться до последнего патрона, но снимать трусы при иностранцах — увольте. Принуждать не имеете права! Я старший научный сотрудник, у меня жена и ребёнок...

— Ясно — сдрейфил. Рябов — ты?

Покрасневший Рябов опустил глаза. Поначалу, он хотел вслед за Поповым категорически отказаться, но сомнения разъедали его душу. А, что, если отказ буде расценён, как трусость и паникёрство? Или, того хуже — подрыв авторитета страны? «Что же это вы, товарищ учёный?

— слышались вкрадчивые голоса мужчин с холодными серыми глазами. — Так-то вы ратуете

за престиж Отечества. Дулю супостатам показать не смогли, смалодушничали. Эх, вы... а мы вам хотели грамотку «За усердный работу»... Где же усердие?»

— Я... могу. Если Родина требует... пойду. И покажу! — Рябов патетически возвысил голос, и посмотрел на отца-командира взглядом самоубийцы. — Только, товарищи, предупреждаю сразу: данные у меня весьма средние, не то, что у этого... Долдона.

— Ах ты, чёрт тебя дери, — досадливо хлопнул себя ладонью по колену организатор асимметричного ответа. — Что же ты так, а? Родина-мать растила-кормила и всё не впрок?

— Мне придётся, — вдруг серьёзно сказал комсомолец. Делегация с невыразимым теплом и надеждой посмотрела на вожака подрастающей смены.

— Уверен в себе, сынок? — спросил с надрывом в голосе комитетчик.

— Да! Только у меня это... шары-то обыкновенные, зато сам снаряд подходящего калибра. От деда, по наследству достался, — с гордостью добавил комсомолец.

— Так это и хорошо! Пойди-ка, парень оглуши этих... — загалдели обрадованные соотечественники. — Снаряд, брат, важней! Яйца что? Тьфу на них! А снаряд — то, что надо. Давай, парень, бронебойным... упреждение десять, угол сорок пять градусов!

Цфасман поперхнулся, хрюкнул в тарелку, сделал попытку что-то сказать, но на него замахали руками: — Жуй себе, белобилетник, — не подрезай молодым крылья.

На стол герой безымянного края не полез. Встал в сторонке, завозился с пуговицами на брюках. Истомлённые ожиданием, зарубежные коллеги сгрудились вокруг. Послышались подбадривающие выкрики с мест. Любительница сонетов опять переменила решение и, растолкав локтями зрителей, прорвалась в партер.

— Раз, два... три! — скомандовал секретный агент.

Дальнейшее произошло настолько быстро и сумбурно, что показания участников впоследствии существенно разошлись. Приходится передавать только доподлинно зафиксированные факты.

То, что выпрыгнуло на свет одновременно с падением брюк и семейных трусов, оказалось не просто снарядом, а каким-то более серьёзным видом вооружения. Даже у видавшего виды комитетчика отпала челюсть. Гипертрофированный орган превосходил всякое воображение, вызывая законную гордость за отечественного производителя.

На бельгийцев сия мощь произвела странное воздействие. Весёлые лица сделались испуганными, послышались сдавленные возгласы, кто-то упал в обморок, и вся команда хозяев ринулась гурьбой к двери, опрокидывая стулья и роняя на пол посуду. Прямо в спущенных штанах по столу позорно улепётывал инициатор соревнования. На поле боя осталось несколько парализованных блондинок закрывших лицо руками, и замерших в позе покорности.

— Ни хрена себе, как их разбрало! — воскликнул потрясённый КГБэшник. — Вдребезги! Молодец, комсомол, надевай штаны.

— Да-да, без шансов. Доихикались, паразиты... — вторили радостно Рябов с Поповым.

Цфасман, до сей поры лишённый права голоса, в наступившей тишине отчётливо произнёс:

— Абзац! Отъездились, — и тоскливо обвёл глазами застольное изобилие.

— Чего ты там бурчишь?! — прикрикнул на него комитетчик, но в голосе проступила неуверенность.

— Ищи г'аботу на свежем воздухе. Накомандовался, пат'гиот... — нагло заявил переводчик.

— Что случилось-то, говори толком, — обеспокоенно спросил «гвоздь программы». — Они же сами просили показать.

— Показать что? Болваны! Яйца — можно, здесь это пизнак мужественности, вот — он ткнул в Попова — как бицепсы, как усы, как волосы на гуди, как... нога согок пятого газмега! А сам огнеган — ни-ни. Это погногафия и международный скандал, — закончил Цфасман. — Всё, аут.

На молодёжного лидера старались не смотреть. Разжалованный командир кусал губы и утирал лоб измочаленным носовым платком. Рябов мысленно прощался с грамотой. Попов задумчиво ощупывал бицепсы.

Робко заглянули в дверь первые смельчаки. Бельгийки оказавшиеся в плenу у «красных извращенцев» собрались стайкой рыбок в углу, и там настороженно перешептывались.

— Выручай, отец, — тихо и безнадёжно попросил бывший секретный агент переводчика.

— Чего уж там, — прогнусавил Цфасман. — Сделаю что смогу, охота из-за вас невыездным стать...

И он заработал. Переводчик летал Карлсоном из конца в конец залы, что-то экспрессивно доказывал на разных языках, размахивал руками, убеждал, взывал, объяснял, смеялся и плакал. Относительный мир был восстановлен. Выпили за понимание. За просвещение и науку. За дружбу народов и мир во всём мире. Послышались первые смешки. Пошли тосты за дам, за мужчин, за любовь.

— А где наш герой? — не найдя комсомольца под руками воскликнул воспрянувший духом агент. Цфасман блудливо отвёл взгляд в сторону. КГБэшник обвёл зал глазами, вычислил отсутствие любительницы поэзии, тренированным мозгом разведчика произвёл сложные умозаключения, и одобрительно кивнул.